

Задания для муниципального этапа Всероссийской олимпиады для школьников по литературе

2019-2020 учебный год

7-8 класс

Задание 1. Творческая работа

В поэме Н.А. Некрасова «Мороз, Красный Нос» (1863г.) показана жизнь русского народа. Поэт запечатлел не только тяготы жизни, но показал лучшие черты людей из народа, отметив огромный потенциал русской женщины. Некрасов восторгается её красотой.

В рассказе А.И. Солженицына «Матрёнин двор» (1959г.), основанном на реальных событиях, показана жизнь советской деревни. Освещая жизнь трудового русского народа, Солженицын создаёт образ Матрёны, которая трудилась всю жизнь: работала в колхозе, бескорыстно помогала соседям. Героиня рассказа—праведница, которая оказывается выше людской алчности и мелкой расчётливости.

Какое из указанных произведений могла бы проиллюстрировать картина К. Малевича «Крестьянка»? Дайте толкование живописных и литературных образов, найдите их сходства и различия, обоснуйте свое мнение. Ответ оформите в виде связного текста.

Отрывок из поэмы Н.А. Некрасов «Мороз, Красный Нос»

I.II.III.

IV

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.
Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица, миру на диво,

olympmo.ru

@olymp_mo

/olympmo

/olympmo

@olympmo

Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.
И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Отрывок из рассказа А.И. Солженицына «Матрёнин двор»

Матрена вставала в четыре-пять утра. Ходикам Матрениным было двадцать семь лет, как куплены в сельпо. Всегда они шли вперед, и Матрена не беспокоилась — лишь бы не отставали, чтоб утром не запоздниться. Она включала лампочку за кухонной перегородкой и тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила русскую печь, ходила доить козу (все животы ее были — одна эта грязно-белая криворогая коза), по воду ходила и варила в трех чугунах: один чугунок — мне, один — себе, один — козе. Козе она выбирала из подполья самую мелкую картошку, себе — мелкую, а мне — с куриное яйцо. Крупной же картошки огород ее песчаный, с довоенных лет не удобренный и всегда засаживаемый картошкой, картошкой и картошкой,— крупной не давал.

Но лоб ее недолго оставался омраченным. Я заметил: у нее было верное средство вернуть себе доброе расположение духа — работа. Тотчас же она или хваталась за лопату и копала картовь. Или с мешком под мышкой шла за торфом. А то с плетеным кузовом — по ягоды в дальний лес. И не столам конторским кланяясь, а лесным кустам, да наломавши спину ношей, в избу возвращалась Матрена уже просветленная, всем довольная, со своей доброй улыбкой.

.....
Председатель новый, недавний, присланный из города, первым делом обрезал всем инвалидам огорода. Пятнадцать соток песочка оставил Матрене, а десять соток так и пустовало за забором. Впрочем, за пятнадцать соток потягивал колхоз Матрену. Когда рук не хватало, когда отнекивались бабы уж очень упорно, жена председателя приходила к Матрене. Она была тоже женщина городская, решительная, коротким серым полупальто и грозным взглядом как бы военная.

Она входила в избу и, не здороваясь, строго смотрела на Матрену. Матрена мешалась. —Та-ак,— раздельно говорила жена председателя.— Товарищ Григорьева? Надо будет помочь колхозу! Надо будет завтра ехать навоз вывозить!

Лицо Матрены складывалось в извиняющую полуулыбку — как будто ей было совестно за жену председателя, что та не могла ей заплатить за работу.

—Ну что ж,— тянула она.— Я больна, конечно. И к делу вашему теперь не присоединёна.— И тут же спешно исправлялась: — Какому часу приходиться-то?

—И вилы свои бери!— наставляла председательша и уходила, шурша твердой юбкой.

—Во как!— пеняла Матрена вслед.— И вилы свои бери! Ни лопат, ни вил в колхозе нету. А я без мужика живу, кто мне насадит?...

И размышляла потом весь вечер:

—Да что говорить, Игнатич! Ни к столбу, ни к перилу эта работа. Станешь, об лопату опершись, и ждешь, скоро ли с фабрики гудок на двенадцать. Да еще заведутся бабы, счета сводят, кто вышел, кто не вышел. Когда, бывалоча, по себе работали, так никакого звуку не было, только ой-ой-ойинь-ки, вот обед подкатил, вот вечер подступил.

Все же поутру она уходила со своими вилами.

Но не колхоз только, а любая родственница дальняя или просто соседка приходила тоже к Матрене с вечера и говорила:

—Завтра, Матрена, придешь мне пособить. Картошку будем докапывать.

И Матрена не могла отказать. Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке и, воротясь, еще говорила без тени зависти:

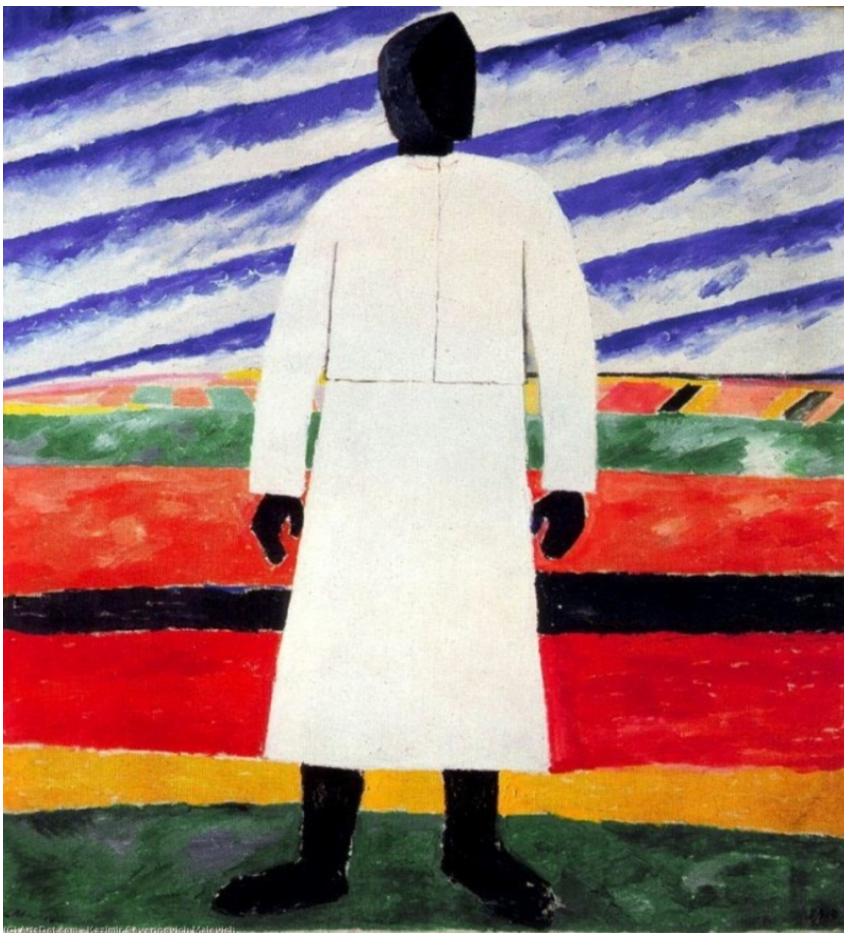
—Ах, Игнатич, и крупная ж картошка у нее! В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу правда!

Тем более не обходилась без Матрены ни одна пахота огорода. Тальновские бабы установили доточно, что одной вскопать свой огород лопатую тяжеле и дольше, чем, взяв соху и вшестером впрягшись, вспахать на себе шесть огородов. На то и звали Матрену в помощь.

—Что ж, платили вы ей?— приходилось мне потом спрашивать.

—Не берет она денег. Уж поневоле ей вопрягаешь.

Картина Малевич К. «Крестьянка» (1932г.)

Задание 2 . Аналитическое задание

Произведите целостный анализ поэтического или прозаического текста.

Комментарий к заданию

Для выполнения задания выберите прозаическое или поэтическое произведений. Внимательно прочитайте его. Самостоятельно определите методы и приёмы анализа, структуру и последовательность изложения своих мыслей. Путь анализа текста должен привести к раскрытию текста как сложно организованного единства элементов, несущих в себе смысл. Целостный анализ текста не требует полного описания всех структурных уровней (от фонетической стороны до раскрытия интертекстуальных связей), важно раскрыть смысл произведения через значимые аспекты его художественной структуры.

При выполнении задания вы можете опираться на данные после текста вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой цельный, связный завершённый текст.

Рассказ

Шмелёв Иван Сергеевич

«Солдаты»

Проехали Птичьи Дворики, выбрались на бугор. Стало видно белую колокольню "Рамени". Вправо, на высоте, разворачивалось "Зараменьё", княжеское имение: белели колонны в парке, сверкали оранжереи, те самые, где когда-то манили персики. Молодой полковник вспомнил, как милый сон, легкую, тоненькую Клэ, воздушную в розовом газе, в черневших локонах на матово-смуглых щечках... острые локотки, полудетские худенькие ручки, обвивавшие неумело его шею... нетерпеливо-капризно кривившуюся губку... Вспомнил ее глаза, удивительные глаза, за которые называли ее мужчины "сухим шампанским", – необычайные, менявшиеся внезапно, как топазы: то вспыхивали игристо, золотистыми искрами, то равнодушно гасли. Какая она теперь?..

Вспомнил фойэ театра... В темно-зеленом бархатном платье, с великолепным трэном, по которому брызнуло серебром, далекая от всех на все свысока взиравшая, стройная, томная, величаво-холодная, в серебристой повязке из изумрудов, с дивными обнаженными руками, – выступала она княгиней. Он изумился, замер. Встретился с ней глазами. Не видя, прошла она. Он, кажется, поклонился, почтительно?.. Парные часовые у царской ложи отдали ему честь, выбросив от себя винтовки... и он почтительно поклонился ей?.. И радостно подумал: это ей честь! Она не ответила, прошла. Его кольнуло в сердце. Она же его узнала!.. Он видел это – по золотистому блеску глаз, что-то ему сказала!.. Он же из-за нее стрелялся... – и не ответила на поклон! Он остался один в фойэ, с неподвижными гренадерами в парадных шапках, с бархатными диванчиками, в золотистом блеске хрустальных люстр, где сияли её глаза, с высокими зеркалами стен. Видел себя совсюду, – стройного капитана, в шарфе, с отогнутой перчаткой... всматривался в себя... Находили его красивым. Его глазами – восхищались. Его еще юнкером прозвали "синеокий миф". Сколько женщин писали ему признанья... – а она даже не взглянула!.. Он бродил по фойэ, мучаясь и волнуясь, ждал. В антракте она не появилась. Он прошел к ломам бенуара, дал капельдинеру пятерку. "Их сиятельство княгиня Куратова... литер А... после третьего акта изволили отбыть".

Полковник посмотрел на далекие белые колонны. Четыре года, после того, она в

olympmo.ru

@olymp_mo

/olympmo

/olympmo

@olympmo

Швейцарии провела. Он был уже офицером, она – невестой. Встретил ее в "Зараменье", в золотистый сентябрьский вечер. Она скакала по большаку, в березах, с красивым офицером. Слышал счастливый смех. Потом – она вышла замуж. Больше он не видал ее, до театральной встречи. И вот, судьба: калека, на костылях... она – свободна, и оба – здесь!.. Насмешка.

Повстречалась на перекрестке пустая княгинина коляска, тройкой серых. Почтенный старичок-кучер раскланялся:

– Ва-ше превосходительство!.. здоровьице ваше как? Здравствуйте, Степан Александрыч...
– узнал он молодого полковника. – Поправились, слава Богу. Да какие же вы красавцы стали!..

Полковник остановил Алешку и справился, в церкви ли старая княгиня.
– А как же-с, праздник у нас. За княгинюшкой ворочаюсь, еще неготовы были с бабушкой ехать!..

Молодой полковник нервно оправил крестик.
– А как война-то у нас, Степан Александрыч? Ну, дай Бог. Эх, Гурку бы нам теперь со Скобелевым... Го-оре, ей Богу... молодцы такие – и на костылях!

Кучер был из солдат, – почетный, княжеский. Устроил его сюда полковник, как приехал сады садить.

На выгоне стояла карусель, палатки с ярморочным товарцем, телеги косников и серпников, лари с картинками... Пахло оладьями и пирогами с луком. Сияли гармоники, яркие платки и ситцы, опояски и кушаки: под кумачовым подзором висели сапоги и полсапожки, с лаковыми подметками, словно повыше где-то сидели невидимые мужики и бабы, свесив ноги. Народу было жидко, – мальчишки больше, свиставшие в глиняные свистульки, в оловянные петушки. Подростки, – в синих рубахах с желтыми опоясками, пробовали гармони, в кучках. За оградой церкви сбились телеги с распряженными лошадами, с ворохами лесной травы. В ограде сидели молодухи, завернув юбки и раскинув ноги в ушастых полсапожках, в цветных шерстяных чулках, давали младенцам грудь, – поджидали, когда причащать кликнут. Девки щелкали семечки. Над кучкой степенных мужиков покачивался солдат, с залепленным черной заплаткой глазом. Когда полковники вылезали, он лихо крикнул:

– Молодец, Скворец! – сказал старый полковник, признав солдата из Птичьих Двориков.
– Рано только ты больно, обедня еще идет.

– Так точно, ра-на... ваше превосходительство, а то бы ни в одном глазе! – ломался солдат перед народом. – Степан Александрыч! как же нам теперь с вами жениться-то? Девки сила, а... не хотят кривого, а то хорошего... Давай, говорят, прямого!..

Мужики и молодухи хохотали. Одна, чернобровенькая, румяная, в васильковом платье, помнившая молодого полковника, как трясли вместе яблоки, пожеманилась шеей и плечами:

– За хорошеньким да афицериком любая побежит!

Полковника задержал старик Копытыч, набивался в караульщики по садам. Молодой расспрашивал солдата. Они были погодки, играли вместе. Солдат-гвардеец напоминал тонкими чертами Ниду, – и быстрые карие глаза те же!
– А что сестренка?

– Э, теперь Степанидку и не узнаете, то в белошвейках была, а нонче в хору поет, ахтер голос у ней признал! Семь комнатов квартира, на Садовой, за Сухаревкой, в семнадцатом номере, на пятом этаже... машина подымает! И цветы, и портреты ее по всей квартире. Две тыщи мне обещается, кожами вот хочу заняться. Фабрикант один кожаный в женихи набивается. В ванной у нее купался и всякие вина-ликеры пил. По-мню, как вы за ней гоняли... я ей раз, вот, ей-Богу, косы за вас надрал!.. Вот рада-то вам будет, что земляки... – болтал и болтал Скворец. – Проведайте, обязательно. Ей теперь наплевать, без страху... и

каковой угостит! Спрашивала об вас... Для такого героя она... Сам ей письмо пошлю, как в газетах про вас известно... Поезжайте, не сумлевайтесь!..

Полковник вспомнил красавицу-блондинку, встречу в Москве, письмецо ее – "а будет грустно – приезжайте, Степочка... размыкаем." Так и не повидались после. Подумал: "поехать в Москву, проветриться!.."

– Солдаток к нам сторожить приехал, чтобы не бастовали... – смеялись мужики солдату.

– Чего мне солдаток... свою фабрику завожу!

Вертелся лавочник Куманьков, расталкивал:

– Пускайте!.. его превосходительство с раненым гироем! Вот народ недостижимый какой... Пу-скай-те!.. Ленька? Ленька мой, ваше превосходительство, слава Богу... покелева с палками гоняют-учуть... возлагаю на Господа да на ваше слово... при себе запишите, как поедете воевать... как зеницу ока, недосыгаемо! Под крылосик, ваше превосходительство, к окошечку-с... очень духоты напущено, кислоты-с... Там и их сиятельство-с изволит молиться за нас грешных... для параду к им-с...

Воняя луком и миндальным мылом, Куманьков расталкивал стариков и баб. Красные волосы его взмокли и растрепались, но он старался. Бабы жалели молодого на костылях и шептались: "Воители-то наши... молоденький какой, а хрестов-то навоевал!.." Старухи шамкали: "Сюды, родимый... к стеночке-то пристань, ловчее тебе будет, с палочками-то..." Шептали – слышал старый полковник – и про убитого его Пашу. Кругом вздыхали. У каждого было свое, болевшее. Он почувствовал, как жжет у него в глазах. Сморгивая слезу, он оглядывал небогатый храм, родную ему толпу, с которой его связала общая скорбь и горе. Давно связало, – через Бурая-пращура, помилованного Петром стрельца... раньше! Белый крестик, выбоина в бедре, шрам на шее, ноющая под сердцем пулька, могила сына в Смоленске... – все через эту связь, ради чего-то, к чему движется общая с этим жизнь его. Дано – и не раздумывай, принимай.

Он всегда просто думал. И эти чувствуют также просто: надо и принимай.

Они прошли к клиросу налево.

У открытого окна в решетке, за которыми видны чугунные плиты Зараменских, стояла прямая, высокая старуха, с изжелта-восковым лицом, в черном шелковом платье и в кружевной наколке. Молодой полковник узнал ее: все та же, как и тогда, когда кадетиком подходил к руке, а она без улыбки говорила, трепя по щечке: "Глаза-то... аквамаринчики!"

Священник поминал в алтаре боярина, – воина Михаила... – "о нем это..." – подумал молодой полковник о ротмистре, её муже, – боярина, воина Константина, Игоря... Старуха опустила на колени. "Это о ее внуках молятся..." – подумал полковник, – новопреставленного боярина, воина Павла..." Старый полковник тяжело опустился на колени. "О Паше..." – подумал молодой полковник и начал рассеянно креститься. "...за Веру, Царя и Отечество на брани живот свой положивших..." Потом – рабов Божиих, воинов, воинов, воинов... Церковь томительно вздыхала.

Перед "Иже Херувимы" в толпе зашевелились. Пробежал озабоченный Куманьков, шипел:

– Ее сиятельство!.. Ослобоните проход, недосыгаемо! За платьице-то лапищами не щупайте... ду-ры!..

Пятясь и пригибаясь, он выбрался к простору, пошел накорточках и похлопал рукой по коврику:

– Соизвольте сюды, ваше сиятельство... на мя-кенькое ступаните-с... – вышептывал он, словно подманивал.

Старуха повела наколкой. Он поклонился ее спине.

Шла княгиня в черном, в серебристо-прозрачной шали, свесившейся углом с левой ее руки в перчатке, в белой широкой шляпе, с черным страусовым пером. Замкнутая спокойная, строго-изящная, "неотразимая", – с первого взгляда понял растерявшийся вдруг полковник. Ударило ему остро в ноги, до жгучей боли – в отрезанную ступню. Он увидел

незабываемое лицо, в изумительно тонких линиях, – непроницаемое лицо, матово-белое, как тончайший, сквозной фарфор. Увидел милую родинку на шее, бывшую и тогда... всегда... изумительного изгиба шею – прелестный, волнующий сердце стебель живого неведомого цветка, возносивший чудесную головку... локоны, чуть приметные, чуть прикрывающие ушки... жемчужные сережки, трепетные у шеи, покойный, холодный профиль... розовый, нежный рот, который он целовал когда-то, уже не детский, в тонком, неизъяснимо-томном изгибе грусти, недоумения, вопроса... Он любовался в очаровании стройной ее фигурой, угадывая плечи, локти, изгибы кисти, – ласкал глазами, не сознавая – где он?.. Острым, тревожным взглядом уловил он под шляпой поразившие его когда-то, еще в детстве – удержанный памятью удивительный разрез ее глаз, – нежащий, томный и угрожающий, от которого шло лучами. Уловил все очарование ее движений, усталотомных, сдержанно-скромных, полных укрытой ласки, скрытого в ней... чего-то, что называется... женственным... – что встречается редко-редко, что ведет за собой неотразимо.

Он уже ничего не слышал, прислонился к стене, взирал. Она потянула утомленно серебристую сквозную шаль, опустила ее с плеча, и шаль заструилась к талии. Он увидел теперь всю прелестную ее шею, сияющую над чернотой корсажа. Справа, из купола, влился луч, искрой зажег жемчужину, розовым тронул ушко, скользнул на шею, по серебристой шали, – осиял всю ее, траурно-жемчужную, – выбрал одну из всех.

Он взирал на нее, благоговей, смутный.

"Клэ... необычайная... прелестная... Клэ!.." – радостный и подавленный, мысленно шептал он. – "Ты была где-то... Клэ!.."

И вдруг – уронил костыль. Его оглушило громом. На одной ноге, другая, в пустом сапоге, туго набитом тряпками – едва прикасаясь к полу, полковник быстро нагнулся за костылем, в смятении. Едва уловимый миг – княгиня повела шеей. И в этот, едва уловимый, миг поймал полковник блеснувший, золотисто-игривый взгляд, блеск "сухого шампанского" – топаза, который он помнил сердцем, – незабываемый. Этот миг-взгляд сладко поранил сердце, самую глубину его... – вызвал восторг и боль.

"Княгиня!.." – отозвалось в нем с силой. Он почувствовал, как он связан, и как несчастен, и как безумно счастлив... как никогда еще не был счастлив... что счастья он и не знал еще, что получил в этом взгляде что-то, безмерное, что теперь он безмерно сильный, и жизнь еще будет, будет... и он принимает все, какие бы ни были страдания!

"Клэ... чудная Клэ... Княгиня!.." – говорил он взглядом ее сережкам, склоненной ее головке, бледной ее щеке.

Его охватило страхом. Хотелось уйти – не смел. Стыдился себя, такого, с этими палками, на пустой ноге. Увидел белый крестик, вспомнил, что у него удивительные глаза, "как ночное небо", – так ему говорили женщины, – что она тоже женщина, целовала его когда-то, и он называл ее просто – Клэ... что она свободна, теперь война, люди – пустая пыль, что нет теперь ничего, чего бы нельзя было, что нужно же так случиться...

Не понимая, что ему говорит полковник, – а полковник шептал о панихиде, – он смотрел в восхищении, как чудесно играет ее шея, как склоняется милая ее головка.

После креста, полковник представил старой княгине сына.

– Слыхала, что герой... теперь и вижу... – покивала она на крестик. – Отвоевались, мой друг?..

– Пока... ступня отвоевалась, ваше сиятельство!.. – почтительно-официально сказал молодой полковник; чувствуя, как смутился, как грубовато вышло.

– Ступня... вот хорошо сказал! – кивнула приветливо старуха. – Заезжайте... Расскажите мне, как у вас там...

Он поклонился молча. Перед молодой княгиней он весь склонился. Она покивала, молча. Но он уловил – скользнувшую золотую искру?.. Нет, показалось это...

Она пошла, перетягивая устало шаль, – замкнутая в себе, холодная. Не слыша, что говорил полковник, он быстро пошел с толпою, путаясь костылями в юбках. На паперти он

остановился. Куманьков вертелся у коляски, лакей отгонял его. Она смотрела над провожавшей ее толпой молодых баб и девушек... – и молодой полковник – может быть показалось это?.. – поймал её взгляд, скользнувший. Серая тройка катила к выгону.

По дороге домой, старый полковник спросил, когда же он думает к княгине?

– Не знаю... в Москву мне надо...

Таким – ему не хотелось ехать, а "ступню" обещали через неделю только. Вспомнился адрес Ниды: за Сухаревкой, Садовая 17.

"А она... даже не подала руки..." – подумал он грустно.

– Протез поставлю, а то... с этими палками... связанность, и...

– Понятно, посвободней... – сказал полковник. – А, какова стала Клэ!..

– Да, интересна... – отозвался рассеянно полковник, глядевший в небо.

День был необычайно яркий: блестели хлеба на солнце, сияли дали. В спелых волнах хлебов, в подымавшейся облачками пыли, в налетающих пульками оводах, в заблестевшей воде меж ветел, в опутанных далью мыслях... – золотисто сверкали искры.

– А хорошо, папан!.. – сказал неожиданно полковник. – Удивительный день сегодня!..

– Да, припекает... Пожалуй, грозу нагонит.

"Милая... чудная... Клэ! – вызывал полковник желанный образ, прикрыв глаза. Укачивала его пролетка..."

Той же ночью выехал он в Москву, написав рапорты – о назначении на комиссию, о признании годным к строю, о назначении в боевую часть.

Высунувшись в окно вагона, в гулкую мглу лесов, он восторженно повторял: "княгиня... княгиня... Клэ..." На заворотах летели искры. Колеса выстукивали четко: княгиня... княгиня... Клэ!.. Он повторял за ними, глядел в темноту и думал:

"Зачем я ее увидел!.. Теперь... как же?.. Или – не возвращаться больше?.. Княгиня... княгиня... Клэ..."

Отбросил костыль и сел.

"Заеду, прошусь... только... без этого – посмотрел он на ненавистный костыль. – Зачем я ее увидел?!.."

Высунулся опять, на искры. Следил, – и слушал, как гремело в ночном лесу.

1927 г. Ланды.

Опорные вопросы

1. Какие изменения происходили с Клэ (княгиня Куратова) от встречи к встрече?
2. Какая личная история скрывалась за почтительным отношением полковника к знакомой его юности?
3. Что объединяет Степана Александровича, получившего ранение на войне, с народом?
4. Какие потери являются общими у полковника Степана Александровича и княжны Куратовой?
5. Какое место занимает воспоминание о Ниде (Степаниде), ставшей известной певицей?
6. В чём счастье и несчастье полковника?

Примечание

Шмелёв Иван Сергеевич (1873-1950) – русский писатель, публицист, православный мыслитель. Его называли «художником обездоленных». Истоки творчества – в детстве, прошедшем в Москве, которую любил нежно, преданно и страстно. Особенно любимо было Замоскворечье. Школой правдолюбия был для писателя двор. Здесь он прошёл, по его

словам, школу гуманизма, наблюдая за народом, бойким, талантливым, мастеровым. Главным в творчестве писателя была любовь к России, вера в высшую справедливость, тяга к духовным и нравственным исканиям.

Стихотворение

Слуцкий Борис

Лошади в океане И. Эренбургу

Лошади умеют плавать,
Но — не хорошо. Недалеко.

«Глория» — по-русски — значит «Слава», -
Это вам запомнится легко.

Шёл корабль, своим названьем гордый,
Океан стараясь превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробилла днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если
Нету мест на лодках и плотях?

Плыл по океану рыжий остров.
В море в синем остров плыл гнедой.

И сперва казалось — плавать просто,
Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края,
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и всё. А всё-таки мне жаль их —
Рыжих, не увидевших земли.

1950г.

Опорные вопросы

1. В основу стихотворения положен реальный эпизод из времён Великой Отечественной войны (немцы потопили американский корабль, который перевозил лошадей). Кто виноват в гибели лошадей?
2. Какими показаны люди, оставившие погибать лошадей?
3. Как поэт описывает гибнущих лошадей?
4. В чём пафос стихотворения?
5. С чем ассоциируется цвет лошадей?

Примечание

Слуцкий Борис Абрамович (1919-1986) – русский поэт, переводчик, участник Великой Отечественной войны. Майор, политрук, разведчик, сотрудник военной прокуратуры. Называл себя «майором поэтических войск». Стихи Слуцкого о войне всегда трагичны. К Симонов писал о нём: «Борис Слуцкий один из тех поэтов, прошедших насквозь всю войну, который написал о ней самые лучшие, самые проникновенные и самые доходящие до моего сердца стихи. Поэтов, так написавших о войне, как он, можно сосчитать по пальцам. Да и то на обе руки, пожалуй, не наберется». По мнению одного из самых крупных поэтов современности И.Бродского, Б.Слуцкий «изменил звучание послевоенной русской поэзии» и вышел за пределы XX века. Сочетал талант и волю, сокровенность и прямоту.

